

Великое заблуждение

А. Каминский

*Предпочитаю для начала выразительный какой-нибудь вопрос философического свойства, например:
"Где я? Скажите, девушка, где я?" (М.Щербаков)*

Где Я?

Уже во времена Декарта, Ньютона и Лейбница было ясное понимание того, что чисто физических объяснений природы сознания быть не может. Лейбниц писал, что «... не в машине, нужно искать восприятия». Позже, ученые, уверовав в силу научного метода, вновь обратились к средневековому занятию оживления мертвой материи. Они даже не заметили, как выращивая гомункула в среде искусственных нейросетей, создали голема, пока еще безобидного, вещающего сегодня из наших гаджетов приятными женскими голосами. Вопрос в том, какие «заклинания» или «жертвоприношения» понадобятся, чтобы научить чувствовать ваш мобильный телефон? Ученые, конечно, не так глупы, чтобы не задаваться подобными вопросами. Но, когда их спрашивают об этом, они делают вид, что не понимают вопроса. Сегодня мы находим у нас под черепной коробкой 100 миллиардов узкоспециализированных компьютеров (нейронов), соединенных в сеть неизвестной топологии. Это число сравнимо с количеством звезд в нашей галактике. Достаточно ли этого чтобы, любить, и ненавидеть, чувствовать угрызения совести, мечтать о будущем? А, если бы нейронов было в 2 раза больше, то и чувства были бы сильнее? Это похоже на абсурд. Математики знают, что сколько бы бесконечных счетных множеств вы не складывали, континуум вы не получите. Потому, что континуум это совсем другой математический объект. Точно так же, и чувства не могут появиться из бесчувственной материи непрерывным образом.

Чарльз Шеррингтон пишет, что физическая наука... ставит нас в тупик, утверждая, что разум *per se*¹ не может играть на фортепиано – «разум *per se* не может пошевелить и пальцем руки»². И в самом деле, в уравнениях физики нет и намек на разум или свободную волю. Объективно, разума нет, а наш мозг просто сложный арифмометр, возможно даже квантовый, но суть от этого не меняется. Неужели, мы и вправду манекены? Как у Томаса Элиота:

¹ *per se* (Latin phrase meaning "by itself")

² Цитировано по книге Э. Шрёдингера «Разум и материя» [1]

*Мы полые люди
Мы набивные люди
Труха в башке,
Как в мешке.*

Конечно, 100 млрд нейронов это не совсем труха, однако, как писал Шредингер, размышляя над этим вопросом, «Наши же черепа не пусты, но то, что мы там обнаруживаем, несмотря на живой интерес, есть сущее ничто при сопоставлении с жизнью и эмоциями души» [1]. Эта антиномия известна как – *психофизическая проблема (mind–body problem)*. Не смотря на множество гипотез, решение этого вопроса едва ли возможно в рамках сегодняшней научной парадигмы. Возьмем, например, такую, достаточно «модную» теорию, как дуализм свойств (*property dualism*). Уязвимость этой теории обусловлена ее принципиальной не верифицируемостью. Эта теория утверждает эмерджентное происхождение психических феноменов. Апологеты этого направления полагают, что 100 миллиардов нейронов достаточно, чтобы произошел скачок в новое качество, и появилась психика. Наивность этого подхода не выдерживает критики. Здесь поучительно вспомнить «*парадокс кучи*» и то, что, сколько зерен не бери, а объективно, в кучу это множество ни когда не превратиться, ибо «куча» - субъективное понятие. Но ведь, именно, субъективность сознания не позволяет проверить наличие внутренних переживаний у другого или доказать другим их наличие у себя. Отсюда напрашивается вывод, что ученые никогда не смогут доказать, что «куча» нейронов обладает сознанием, именно потому, что сознание объективно не существует.

Невозможность доказать наличие «Я» у другого, всегда было и остается поводом для теологических спекуляций. К примеру, многие мусульманские теологи полагают, что женщины, в отличие от мужчин и животных, не имеют души. Не все знают, что по этому же поводу велись споры и среди христианских богословов. На вселенском соборе 585 года все же победило мнение, что женщина является человеком и имеет душу³. Солипсизм в этом отношении идет дальше средневековых епископов и имамов, проводя дискриминацию не по гендерному, а по более радикальному признаку «Я» - не «Я». То есть, не только женщины, но и все те, кто не я, не обладают сознанием! Сегодня мы гораздо более толерантны и, возможно, поэтому я готов допустить, что даже мой компьютер, после того, как будет выброшен на свалку, окажется в компьютерном раю. Вы, конечно, понимаете иронию моих слов, однако, я призываю вас, без лишнего высокомерия относиться к этой тайне тайн.

Так, что же такое душа? Душа это «Я». Но с какой стати, тогда, я должен делиться своим «Я» с женщинами, компьютерами и кошками? Мераб Мамардашвили, следуя Хосе Ортега-и-Гассету говорил, что сознание это то, от чего нельзя отказаться [2]. Хосе Ортега

³ Источник: http://historylib.org/historybooks/D-E--Eremeev_Islam-obraz-zhizni-i-stil-myshleniya-/8

говорил это в отношении реальности. Конечно, элиминативист материалистического толка, возможно, съязвил бы, сказав, в связи с этим, что нельзя отказаться от того, чего не существует. Но не будем отвлекаться на мелочи. Наша статья предназначена той части человеческой расы, для которой очевидность внутреннего опыта неоспорима⁴.

Но, как совместить невозможность отказаться от сознания с очевидной конечностью нашего существа? Ведь придет время, когда со своим «Я» придется расстаться... Или какая-то неведомая укорененность моего «Я» в мировом процессе не позволит мне это сделать? Здесь мы по необходимости коснемся важнейшей темы,- темы смерти, которая лежит в основе философствования человека с древних времен.

Представление о неизбежности смерти, очевидно, основывается на наивном отождествлении себя с телом, на не явном допущении, что мое «Я» производится им, как гормоны производятся железами внутренней секреции. В этом случае, прекращение жизнедеятельности моего организма и будет означать смерть, что подтверждается опытом наблюдения за смертями других. Но у нас нет понимания того, как «Я» может быть связано с организмом, и связано ли оно с ним вообще. Поэтому такая логическая связка не обоснована.

В романе «Бледный огонь» Набокова эта мысль выражена в строках: «Другие смертны, да, я не другой, я буду жить всегда», в оригинале следующее: «other men die; but I Am not another; therefore I'll not die». Еще более ярко, и я бы сказал, точно, эту мысль выражает Шопенгауэр: "Время, когда меня не будет, объективно придет, но субъективно оно никогда не может прийти" [3].

Вот как это объясняет Шредингер в пересказе Мамардашвили: «вот вам было 16 лет, и вас раздирали страсти. А что осталось от того «я», которое было носителем этих страстей? Как некое воплощение «я», ведь это были вы – вместе с вашим телом, с вашими переживаниями и т. д., но вы же его не помните. А вы есть. Значит, вы – другое «я»! В каждый данный момент ваши прошлые «я» казались вам, что они самые важные, самые последние, а они сменились, даже не породив понятия смерти. Они все умерли, а термин «смерть» даже не возник, И, может быть, ваше «я» – сейчас – есть также воображаемый, воплощённый на несколько часов, на несколько дней или месяцев персонаж, который тоже сменится другим, как и все предшествующие персонажи. Зачем же, говорит Шредингер, бояться смерти?»[4].

Шредингер здесь рассуждает как феноменолог изнутри, а не извне. Ведь смысл жизни и смерти открывается нам только в горизонте субъективного опыта. Картина мира, открываемая ученому, вовсе не означает ее превосходство над субъективной картиной, которая, в отличие от первой не консенсуальна и, следовательно, не научна. Нужно

⁴ Это не совсем политкорректное утверждение носит больше эмоциональную окраску и может быть оправдано его не верифицируемостью.

понимать, что эти две картины мира одинаково реальны, но отражают разные стороны этой реальности. Смерть пугающая перспектива для ученого, ибо смерть для него означает конец жизни. Но для метафизика смерть это всего лишь этап в жизни. Метафизик понимает ограниченность рассуждений о жизни и смерти в физико-химических категориях.

«Родиться и умереть в природном смысле может только природное существо, может человек как элемент природы. Немыслимо, чтобы чистое Я, или, конкретнее, монадическая субъективность⁵, не существовало, а значит, невозможно, чтобы мой монадический поток не заполнял своей формы времени, бесконечного в обоих направлениях, и чтобы не существовал полюс-Я, принадлежащий этой бесконечности», - пишет Гуссерль [5].

И все же, не смотря на всю убедительность абстрактных доводов Гуссерля, Шредингера, и Будды, реальность смерти столь очевидна, что все разумные доводы меркнут в тени надвигающейся неизбежности конца. Иллюзия смерти столь реальна, что Всеблагой позаботился о нашей психической гигиене, спрятав смерть за горизонтом субъективного опыта.

Но, если мы бессмертны, то зачем Ему нужно обманывать нас? Ответ парадоксален – сама жизнь (сознание) «зажигается» через этот обман. В связи с этим сразу же возникает вопрос – если смерть иллюзия, не означает ли это, что и жизнь иллюзия? А вот здесь мы можем ответить однозначно, - нет. Жизнь, в отличие от смерти, имеет актуальное существование и она аподиктически достоверна. И в этом каждый может убедиться, обратившись к своему внутреннему опыту. Что же касается всего остального - кто Я, где Я и, что будет со мной потом, то здесь у устроителя жизни есть полная свобода нас дурачить!

«А был ли мальчик?»

«В нашем мире все просто происходит – и нет никаких действующих лиц. Мы никогда не были «живы». Или, во всяком случае, никогда не были живее, чем ветер, облако, волна – или компьютерная программа. Мы всего лишь боты, строящие информационный коралловый риф», - пишет писатель и философ Виктор Пелевин [6].

И это, действительно так. Но только, с одной точки зрения - объективной. Направив мышление на себя, там, в глубине, откуда пробивается свет сознания, мы обнаруживаем особенный объект, единственный в своем роде, в существовании которого невозможно

⁵ Монадическое Я появляется в результате первой ступени трансцендентальной редукции. Оно еще не избавлено от своего опыта, но уже рассматривает окружающий мир как собственный продукт. Гуссерль называет монадическое Я субъективным полюсом сознания.

усомниться. Это Я сам - субъект, стоящий за актом мысли. Cogito, ergo sum (с лат. — «Мыслю, следовательно существую») – данная нам от Бога глубинная интуиция сознания. И это не какие-то домыслы, а, как говорят философы, акт непосредственного усмотрения, дающий нам уверенность, что предмет нашего внимания (наше Я) не призрак и реально существует. Почему мы должны доверять «непосредственному усмотрению»? А потому, что, как говорил Гуссерль, непосредственное усмотрение «... есть последний законный источник всех утверждений разума». Но даже непосредственное усмотрение, не дает нам ни какого представления о том где, в каких пространствах искать это наше Я, и как оно связано с нашим (моим) телом?

Кстати, вы уверены, что у вас есть тело? Простите, конечно, за неожиданный вопрос - я вижу, как вы растерянно ощупываете себя. Надеюсь, я не испугал вас! Но поверьте, он совсем не очевиден, этот вопрос,- вопрос существования внешнего мира, к которому относится и ваше тело. Он гораздо менее очевиден, чем вопрос существования души, который мы обсуждали выше.

Тот факт, что существование вещей вне нас доказать невозможно понял еще Декарт. «Мы можем легко допустить, что нет ни Бога, ни неба, ни земли *и что даже у нас самих нет тела*» пишет Декарт [7]. В самом деле, то, что мы видим, может нам казаться. И только сам факт моего мышления, пусть даже об этом самом кажущемся, неоспорим.

К сожалению, наша цель пока не достигнута. Более того, мы переусердствовали в поисках нашего Я, потеряв по ходу, принадлежащее ему тело! Но не все так страшно. Отсутствие тела не помешает нам продолжить наш экскурс в философию.

Радикальное сомнение Декарта стало основой, на которой позже развилась трансцендентальная философия Канта, Фихте и Гуссерля. Вопиющий факт недоказуемости существования мира вещей Кант, называл скандалом в философии. Этим давно уже ни кого не удивишь, но доверчивый обыватель, не потерявший способность удивляться, несомненно, испытает потрясение, какое некогда испытал и Кант, осознав этот факт!

Еще большим «скандалом» является то, что наперекор устоявшемуся мнению, наука отвергает достоверное (тот самый последний законный источник, о котором говорил Гуссерль), а все изменчивое и преходящее (эмпирический мир), делает объектом своего внимания! Неужели это и есть то, что мы называем научным подходом? Откуда этот особый пиетет к так называемой «строгой» науке? Дело в том, что предметом науки, как известно, является объективный мир. Мир объективно существующих вещей. Но наши ощущения и переживания, к сожалению, таковыми не являются. С позиции науки, ни о каком внутреннем опыте, тем более о его аподиктической достоверности говорить не принято. С научной точки зрения, мы всего лишь биологические автоматы, или, как пишет Пелевин: «боты, строящие информационный коралловый риф».

Итак, мы вынуждены признать, что элиминирование субъективного из сферы науки вполне обосновано. Но где проходит эта граница между субъективным и объективным? Разве мы можем быть уверены в объективном существовании атомов и звезд? Ведь у нас нет ни какого другого источника, сообщающего нам о существовании этого мира и его объектов, кроме тех же самых, всем известных, 5 чувств. Все это означает, что гипотеза существования физического мира отдельного от нашего сознания (вне ощущений) не фальсифицируема по Попперу⁶, а значит, противоречит духу научного метода. Возможно, кого-то удивит то, что факт существования внешнего мира мы причислили к категории гипотез. Однако, формально это не более, чем гипотеза⁷, а значит, научный метод основывается исключительно на вере. В отличие от этого, идеалистическое мировоззрение опирается на гораздо более надежный источник – внутренний опыт, не требующий логических или иных обоснований. Именно поэтому, субъективная философия не только логичнее и эстетически совершеннее, но и честнее! Шопенгауэр писал: *«Истинная философия, во всяком случае, должна быть идеалистической. Да, она должна быть такою, если только хочет быть честною, ибо нет ничего несомненнее того факта, что никто и никогда не может вылезть из себя, чтобы непосредственно отождествиться с предметами, отличными от него. Все, о чем он имеет верные, а потому и непосредственные сведения, лежит только в пределах его сознания. Поэтому, вне сознания для него не существует никакой непосредственной достоверности, а первые основоположения науки должны иметь именно такую достоверность»*.^[8]

Итак, с одной стороны у нас есть научный метод, опирающийся на веру, а с другой субъективная, а значит, не научная очевидность. Чему отдать предпочтение?

Я не ставлю перед собой цель кого-либо убедить в своей точке зрения. Я знаю, что это невозможно, тем более, что материалистическая точка зрения имеет не менее богатую философскую традицию, и подавляющее доминирование в сегодняшней научной парадигме. Я всего лишь, в очередной раз, задаю эти вопросы сам себе, а так же вам. И не для того чтобы получить на них ответ, а в надежде на то, что они не будут преданы забвению в победном марше рационализма.

Как мы уже говорили, существование субъективного опыта, не смотря на его аподиктическую достоверность, не может быть объективно проверено, доказано или продемонстрировано другому лицу. И это дает почву многочисленным теософским, физикалистским и бихейвиористским спекуляциям. Трансцендентальное Я не может быть изъято из сферы субъективного и подвергнуто испытаниям. Пенроуз, в свое время, сформулировал так называемый принцип космической цензуры. Он гласит: «Природа питает отвращение к голой сингулярности». По всей видимости, природа испытывает отвращение и к наготы субъективности, и подобно тому, как космологические

⁶ См. К. Поппера принцип фальсификации.

⁷ Важно, что это не проверяемая гипотеза.

сингулярности прикрываются фиговым листком горизонта событий, сингулярность трансцендентального "Я" облекается физическим телом. «Душе грешно без тела, как телу без сорочки» писал АрсенийТарковский⁸. Это представление, конечно ни чего не объясняет. Но бывает, что яркие образы способствуют пониманию. Вот и здесь мы «объяснили» почему у нас есть тело. А ведь его могло и не быть!

Субъект

Когда-то давно Декарт думал, что терминалом, где наша душа взаимодействует с телом, является шишковидная железа (*epiphysis cerebri*) внутри нашего мозга. Сегодня субстанциональный дуализм переродился в другие формы и больше тяготеет к материалистическому монизму. Но материализм, как мы видели, приводит к психофизической проблеме, выражающейся во множестве не устранимых парадоксов.

По всей видимости, вынесение наблюдателя за скобки материального мира, это единственный путь избежать противоречия «картезианского театра»⁹ или бесконечной регрессии наблюдателей, описанной Бертраном Расселом в книге [9]. Роберт Антон Уилсон, ссылаясь на Рассела [10] приводит логическое рассуждение, доказывающее, что у читателя две головы, или даже бесконечно много голов, если не полениться и продолжить рекурсию. В качестве домашнего задания – посчитайте, сколько у вас голов! Только не переусердствуйте, а то не сможете дочитать эту статью. Не трудно догадаться, что этот парадокс - следствие самореференции, возникающей из нашего представления о том, что наблюдателем (субъектом) является само наблюдаемое. Существование этого парадокса не может не посеять сомнение в правильности нашего понимания того, что есть наблюдатель. Действительно ли наблюдателем является наше тело, наш мозг и наши органы чувств?

Манящая и в то же время опасная страна – философия. Заблудится в ней, и потерять себя ничего не стоит. Вот и мы, давеча (в прошлом параграфе) лишились своего тела, а теперь, нам вернули две головы... Но, что с ними делать без тела? Однако, не беда. Как говорится, одна голова – хорошо, а две лучше!

Итак, продолжим наше, уже ставшее экстремальным, путешествие. В отличие от непосредственного усмотрения своего Я, Физическая реальность, как известно, и, как каждый может убедиться на своем собственном опыте, дается нам исключительно в ощущениях. Но ощущения, если абстрагироваться от их содержания, так же непосредственно усматриваемы. Действительно, можно усомниться в содержании

⁸ Арсений Тарковский. «Эвридика»

⁹ (англ. *Cartesian theater*) — иронический термин, введённый Дэниелом Деннетом, явно отсылающий к определённому аспекту того, что он назвал картезианским материализмом.

переживаний, их интенсивности, нюансировании, но невозможно усомниться в факте мышления, в факте переживания, когда оно переживается. А раз так, то невозможно усомниться и в существовании внешнего мира. Можно усомниться лишь в его содержании.

В одно окно смотрели двое. Один увидел дождь и грязь. Другой — листья зелёной вяза, весну и небо голубое. (Омар Хайям).

Декарт бессознательно тяготел к традиционному объективизму. Он считал, что Бог не может быть обманщиком [11]¹⁰, и поэтому, принимал в качестве истинных все суждения о мире, удовлетворяющие критерию ясности и очевидности. Он сомневался не столько в существовании мира, сколько в правдивости нашего восприятия этого мира.

Философия с тех пор прошла долгий путь преодоления объективизма. Возможно, кто-то не согласится с такой оценкой, и будет утверждать, что философия развивалась в противоположном направлении. Мы не станем спорить. Возможно, имели место обе тенденции, но нас интересует первая.

Кант воспринял идею картезианского сомнения и развил ее в новую трансцендентальную философию. Он писал [12]: «...если уничтожить наши субъективные свойства, то окажется, что представляемый объект с качествами, приписываемыми ему в чувственном наглядном представлении, нигде не встречается, да и не может быть нигде найден, так как именно наши субъективные свойства определяют форму его как явления». Однако, в рамках трансцендентальной философии Канта, вещь в себе является объективно существующим источником нашего чувственного, опытного познания. Таким образом, Кант, так же, как и Декарт, не делает решительного шага к свету, оставаясь в тени локально реалистических иллюзий.

Этот решающий шаг делает Джордж Беркли, отказав миру в существовании независимом от сознания субъекта. Формально такой вывод следует из данного им определения существования. Согласно Беркли вещи существуют, если они воспринимаются *esse est percipi* [13].

Удивительно, но сегодня эксперименты в области квантовой физики подтверждают «принцип Беркли» и опровергают картину классического реализма, в которой вещи существуют независимо от наблюдения. Прошло уже немало времени с того момента, когда Летом 1982 г. Ален Аспек получил первые результаты, поставившие под сомнение наше наивное представление о реальности. И теперь мы гораздо спокойнее относимся к

¹⁰ Он даже не подозревал, как жестоко он ошибается! Смотрите ниже.

вновь получаемым «безумным» результатам¹¹, которые раньше могли быть восприняты всерьез только душевнобольным.

Физики – народ эмоциональный и им не чужда романтика чудес. Но сегодня они хранят молчание, делая вид, что ничего не случилось. Похоже, что им потребуется время, чтобы осознать в должной мере, что они натворили! Ясно одно - говорить о солипсизме, отшучиваясь как раньше, они уже не смогут никогда.

В определении существования «Я», Беркли следует несколько измененной формуле Декартовского «*cogito*» . «Я мыслю» он заменяет на «Я воспринимаю» *percipio ergo sum*. Существовать по Беркли — значит воспринимать (*esse est percipere*). Хотя, и сам Декарт понимал «*cogito*» достаточно широко - не только, как мышление, но и, как любые формы «спонтанностей сознания» - желания, восприятия, оценки, суждения и.т.д. В чем же отличие от Декарта, от Канта? А отличие радикально. У Беркли нет никакой субстанции, существующей независимо от сознания. Ощущение и есть субстанция.

Полезно сравнить это суждение философа с суждением одного из мудрейших физиков XX-века Джона Арчибальда Уиллера, который сформулировал антропный принцип участия¹²: «Observers are necessary to bring the universe into being», что означает: «Наблюдатели необходимы, чтобы привести вселенную в бытие» [14]. Уиллер считал, что живой разумный наблюдатель осуществляет редукцию квантового состояния Вселенной, привнося ее в существование. Вселенные же без разумного наблюдателя не обретают статус реальности.

Логическое развитие субъективной философии, смыкающейся теперь с физикой, приводит к пониманию того, что наш мир может оказаться виртуальной реальностью без геймера или сном без сновидца. В момент рефлексии, «Я» порождает «не-Я», проектирует его перед собой, в образе материального существа, субъекта, который, на самом деле не есть Я, а скорее является его эманацией, моделью, аватаром¹³. Согласно Беркли и некоторым интерпретациям квантовой механики, субъект не предшествует акту рефлексии, а творится в сам момент происходящего. Но где же тогда тот наблюдатель, который мыслит меня и мой мир, привнося его в бытие?

Может быть, физики знают, как разыскать его? В какой-то момент, физики настолько уверовали в силу своей науки, что у них даже появилась наивная надежда на скорое решение психофизической проблемы (см. выше). К сожалению, стереотипы оказались

¹¹ Здесь можно упомянуть эксперимент по запутыванию частиц во времени, предложенный Ашером Пересом (Asher Peres) в 1999 году и подтвердивший нелокальность во времени.

¹² Одна из формулировок сильного антропного принципа.

¹³ санскр. avatāra , «нисхождение»

слишком сильны, чтобы преодолеть «средневековость» мышления и понять, что сознание не следует искать в наших головах¹⁴...

Сознание в квантовой механике

Открытие квантовой природы нашего мира в начале прошлого века, имело эффект взорвавшейся бомбы. Философы торжествовали, а виновники всей этой «заварухи», попрятались по блиндажам, лихорадочно обдумывая, как выйти из создавшегося положения. Что же случилось? А случилось то, что, экспериментируя, физики столкнулись с собственным сознанием!

Эдингтон писал по этому поводу: *«Мы обнаружили странные следы на берегу Неизвестного. Мы одну за другой создавали глубокие теории, чтобы объяснить их происхождение. Наконец нам удалось воссоздать облик существа, оставившего отпечатки ног. И что же? Этим существом оказались мы сами»*¹⁵.

Многочисленные экспериментальные исследования, проведенные в последние годы, и демонстрирующие нелокальность в пространстве и во времени (ретрокаузальность), оставляют физикам все меньше надежды на сохранение объективистской установки.

Чтобы лучше понять суть этих драматических событий, напомним, в чем состоит суть проблемы квантового измерения. Известно, что математический аппарат квантовой механики складывается из двух частей. Основная часть (ядро теории), описывает унитарную эволюцию квантового состояния в Гильбертовом пространстве. Операторы, действующие в этом пространстве, называются наблюдаемыми, так как их собственные значения являются измеряемыми величинами. Другая часть аппарата (теория измерений фон-Неймана) описывает наблюдение¹⁶, а значит сознание. Природа устроена таким образом, что по какой-то не известной нам причине, взаимодействуя с миром, мы всегда осознаем (получаем при измерении) только одну из многочисленных возможностей. Аппарат квантовой механики может предсказать только вероятность того или иного исхода, но не сам исход.

В картине копенгагенской интерпретации существенную роль играет наблюдатель, привносящий (по Уиллеру), мир в бытие. Природа предоставляет нам возможности, а мы их выбираем и делаем реальностью. Выбор здесь означает не только сознательное

¹⁴ Наиболее известными работами в этом направлении были работы Пенроуза и Хамероффа.

¹⁵ Эдингтон. *Философия физической науки*

¹⁶ Редукция квантового состояния или R- процедура - нелинейная и необратимая операция.

проявление воли, но и любой спонтанный акт рефлексии. Эволюция Вселенной при этом, не линейна и необратима, поскольку редукция – существенно нелинейный процесс.

Формально, проекционный постулат вносит в теорию эклектический элемент, разрушающий исходное изящество и простоту теории. Эверетт показал, что исправить положение можно, включив наблюдателя в квантово-механическое описание. Это избавит теорию от эклектики и сделает описание унитарным. Соответствующая интерпретация названа многомировой или эвереттовской.

Однако цена этого подхода кажется неоправданно высокой. И не потому, даже, что приходится принять весьма контр интуитивную картину ветвления вселенной, а потому, что проблема измерения при этом остается не решенной, и просто переносится в сферу метафизических интерпретаций¹⁷.

Одну из таких интерпретаций построил Менский, назвав ее расширенной концепцией Эверетта (РКЭ) [15]. В ее основу он положил старую догадку, что выбор альтернатив при квантовом измерении (R - процедура) это и есть сознание. Таким образом, сознание в теории Менского наделяется функцией разделять альтернативы. Благодаря этому свойству сознания, мы воспринимаем компоненты квантовой суперпозиции отдельно, как классические реальности.

Отличие многомировой интерпретации от копенгагенской заключается в разном выборе онтологической системы координат. Онтологической системой координат мы здесь называем статус наблюдателя (быть внешним или внутренним). *Копенгагенская интерпретация описывает систему с точки зрения внутреннего наблюдателя, а эвереттовская – с точки зрения внешнего.*

Сегодняшний «мейнстримный» Физик, полностью удовлетворен картиной мира, которую открывает ему копенгагенская интерпретация. Однако это не умаляет большое эвристическое значение мета-интерпретации Эверетта. К сожалению, сегодня большинство, даже квалифицированных физиков, считают концептуальные вопросы квантовой механики и, тем более, вопросы, связанные со временем и сознанием, схоластическими и не достойными серьезного внимания. И только наметившаяся в последнее время конвергенция философии и физики дает надежду на переход к следующему уровню понимания.

Увы, поиски нашего «Я» пока, что не увенчались успехом. Более того, мы забрели в странные «many-minds» миры, где не счесть этих самых «Я»... Да и как среди них найти свое? Физиков это ни сколько не волнует. Их не интересует, в каком из миров окажетесь

¹⁷ Наибольший интерес для нас представляет субъективистская разновидность многомировой интерпретации - *many-minds interpretation*.

Вы, в том или ином случае, поскольку само понятие «Я» в физике отсутствует. Все это выходит за рамки компетенции науки, и научного метода вообще.

Однако многим физикам, не удовлетворенным таким положением дел, «копенгагенский» уровень описания реальности кажется не достаточным. Эйнштейн был уверен, что всему есть причина («Бог не играет в кости»). Бор же считал случай фундаментальным свойством природы. Для физиков, воспитанных на классических традициях боровский подход казался совершенно не приемлемым. Нельзя, однако, забывать, что это были времена Малевича, Рихарда Штрауса, Ницше и Пикассо. Поэтому для нового поколения физиков концепция Бора уже не казалась чем-то из ряда вон выходящим, и даже была созвучна эстетике новых времен. Так или иначе, концепция Бора была принята, а вопрос о том, что же все-таки происходит при измерении, был оставлен на откуп философам.

Итогом брюссельских дискуссий между Эйнштейном и Бором принято считать победу Бора. Однако, сегодня мы понимаем, что обе стороны в этом споре были правы по-своему. Оппоненты не осознавали, что ведут спор с позиции двух разных онтологических систем координат. Бор рассуждал, как внутренний наблюдатель (от 1-го лица), Эйнштейн – как внешний (от 3-го). Мир Эйнштейна – это мир гипотетического внешнего наблюдателя. Мир Бора – это тот же мир, но с точки зрения внутреннего наблюдателя («ювелира», рассматривающего кристалл Менского изнутри).

Эйнштейн интуитивно чувствовал проективный характер реальности. Но он был бесконечно далек от мысли, что причудливость законов квантовой физики¹⁸ может иметь ту же природу, что и причудливость теней, отбрасываемых закатным солнцем, и, что роль источника света в этой метафоре играет наше сознание.

Если вам до сих пор не понятно, как все это связано с сознанием, то я предлагаю рассмотреть следующую картину. Предположим, что вы оказались в сложной ситуации выбора, например «Быть или не быть!». Вы должны сделать выбор, но колеблетесь в своем решении. Как все это выглядит с точки зрения внешнего наблюдателя? Такой наблюдатель совершенно спокоен, как спокоен даос¹⁹, решивший проблему выбора созерцательным недеянием. Эта картина очень близка к картине, описываемой эвереттовской парадигмой. С точки же зрения внутреннего наблюдателя, когда этим наблюдателем являетесь вы сами, происходит удивительная вещь – вы испытываете *душевные муки*. Но «душевные муки» не имеют отношение к физике! Затем вы оказываетесь в одной из ветвей мультиверса, где выбор уже сделан и прочие альтернативы исчезли. И тогда вы говорите, что сделали свой *нравственный выбор*. И это тоже с точки зрения физики, полная бессмыслица! Мы видим, как переход в онтологическую систему внутреннего наблюдателя порождает новые сущности. И эти сущности - духовные.

¹⁸ квантовая нелокальность, и прочие «чудеса».

¹⁹ Даос достигает мировой гармонии путем самоотжествления с Дао – мировым инвариантом, не сводимым к отдельным личностям.

Это описание удивительным образом соответствует представлению Канта о дуальности человеческой природы, согласно которой человек имеет две «ипостаси» физическую, соответствующую его эмпирическому Я, и сверхчувственную, соответствующую наиндивидуальному, инварианту «Я». Последний не подчинен ни каким физическим ограничениям, и поэтому, через свободную волю привносит в эмпирическое бытие свой нравственный выбор.

Квантовый ноэзис

Проникновенный исследователь сознания Эдмунд Гуссерль считает, что субъективность нельзя взять в скобки. Поэтому, сознание и выступает основой всякой реальности. Гуссерль в отличие от Канта конституирует объективный мир из субъективности [16].

Онтологизируя структуру сознания²⁰, мы возьмем за основу интенциональные акты, очищенные от всякого отношения к стоящему за ними бытию и образующими «скелет» *трансцендентальной субъективности*²¹ моего абсолютного «Я». Интенциональную структуру сознания Гуссерль позаимствовал у своего учителя Ф.Брентано. Она означает направленность²² сознания на объект, который есть не что иное, как другое состояние сознания. Чем же еще может быть объект? Предположим, Я нахожусь в состоянии любви. Напомню, что это такое состояние души! Не смотря на то, что любовь бывает разная с множеством нюансов, у нее есть некое неизменное ядро – «любовь вообще». Гуссерль называет такие чистые (лишенные предметности) состояния ноэзисом. Но любовь, как она есть, в чистом виде, существует только в мире идей. На наш мир она проецируется в виде конкретной, нюансированной любви к Маше, Даше или к математике. Это спроецированное и явленное в наш мир состояние сознания Гуссерль называет ноэмой или ноэматическим коррелятом ноэзиса²³. В данном конкретном случае, интенциональный акт проецирования (R-процедура) привносит чувство любви в реальное бытие.

Для большей ясности отметим, что речь идет не о "предметах", как их представляет естественная установка, а о состояниях сознания. То есть, предметом (объектом), на который направлено состояние сознания в ноэзисе является не предмет любви, как то - Маша, Даша или математика, а любовь к ним. И эти состояния есть не что иное, как мои собственные состояния.

²⁰ Сам Гуссерль не ставил вопросы онтологического экзистенциального порядка. Он строил чисто дискриптивную науку о чистых принципах сознания.

²¹ Трансцендентальная субъективность является ядром наивного «Я», которое может быть выделено из него, методом трансцендентальной редукции (Эпохе).

²² Направленность означает желание, замысел.

²³ В ноэматической структуре сознания (ноэзис - ноэма) не двусмысленно просматривается Кантовская дуальность (абсолютное Я – эмпирическое Я).

Нозматическая структура сознания, обнаруженная Гуссерлем, очень напоминает структуру квантовой механики. А именно, ту ее часть, которая осуществляет «интерфейс» ее унитарного ядра с наблюдателем. Продолжая аналогию с квантовой механикой, состояние любви можно описать оператором в *представлении любви*! Тогда собственными функциями *оператора любви* будут конкретные состояния любви к Маше, Даше или к математике. В этом описании, которое нам кажется больше, чем простой аналогией, оператор любви выражает идею чистой любви, а его собственные функции – его нозматический коррелят – опредмеченную любовь.

Является ли интенция рефлексией? Несомненно. Любой акт мысли оказывается рефлексивен, по своей природе. Это и есть подлинное содержание «*cogito*» - манифестация экзистенциального факта удвоения «Я» [16]. Любой интенциональный акт, в определенном смысле, является рефлексией, поскольку предметом интенции может быть только другое состояние сознания. Сознание неизбежно рефлексивно.

И тут нам необходимо вернуться еще на 100 лет назад к Фихте (Johann Gottlieb Fichte), который в своем стремлении к монизму пытается, как то соединить субъект с объектом, понять глубинную онтологическую связь «Я» и не «Я» [18]. В основе **мира Фихте** лежит абсолютное Я, понимаемое им не просто, как тождество субъекта и объекта < Я = не Я >, отражающее упомянутую рефлексивность сознания, но как целостность, гештальт, нечто большее, чем аддитивная сумма «Я» и не «Я». В момент самополагания абсолютное «Я» порождает субъект – объектную пару – «Я - не Я». И это самополагание, приводящее субъект в существование, конечно же, не есть вербальное полагание или мысленный предикат, но само реальное бытие. Эту мысль развивал друг и ученик Фихте - Фрйдрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг. Шеллинг утверждал, что бесконечное полагание самого себя порождает мир идей, которые в эксплицитной форме представляют собой нашу Вселенную.

Важным для нас является понимание интенции, как полагания. Интенциональный акт привносит полагаемое состояние сознания в существование. Таким образом, физическая реальность, обретает существование в форме нозматического коррелята Абсолютного «Я». Фихте впервые четко сформулировал мысль, о том, что именно отношение субъекта с самим собой в качестве объекта (самополагание), порождает эмпирическое «Я», атрибутированное качествами физической реальности. Эта концепция Фихте логически завершает нашу физико-феноменологическую конструкцию. Далее мы увидим, как это понимание поможет нам понять, почему физическая реальность именно такова, какой мы ее наблюдаем.

О времени

Представьте лето 429 года. Далекая Римская провинция – где-то в районе современного Алжира. Раскаленный солнечный диск садится за крепостные стены, осажденной варварами Гиппоны. В глубине темной сводчатой залы можно заметить уже не молодого человека, склонившегося над пергаментным кодексом. Это святой Августин. Он спешит записать свои мысли о времени, понимая, что дни его сочтены...

«Горит душа моя понять эту запутаннейшую загадку. Не скрывай от меня, Господи, Боже мой, добрый Отец мой, умоляю Тебя ради Христа, не скрывай от меня разгадки; дай проникнуть в это явление, сокровенное и обычное, и осветить его при свете милосердия Твоего, Господи» [19] - возносит страстную молитву к Всевышнему св. Августин, прося открыть ему тайну времени.

Как видим, время было предметом изучения еще в раннюю античность. Известно, что Аристотель размышлял о времени, как о мере изменения вещей. Время для него «число движения».

Августин по этому поводу говорит «Я слышал от одного ученого человека, что движение солнца, луны и звезд и есть время, но я с этим не согласен» [ibid]. В отличие от Аристотеля, Августин, предвосхищая открытия Канта, считает время свойством нашей души.

В наше время, Гуссерль переоткрывает то, что было забыто. Отсылая нас к Августину, он отмечает, что за прошедшие 15 веков мы несколько не продвинулись в понимании времени [20]

Это не совсем так. Еще за 100 лет до Гуссерля, Кант приходит к выводу, что последовательность идей в душе не порождает понятия времени, а только указывает на него. Кант понимает, что без априорного представления о времени невозможно сформировать даже представление о числе. Сегодня мы знаем точно, что математика укоренена в нашем сознании, и обосновать ее чисто логически не представляется возможным. В этой связи вызывает удивление приверженность к радикальному платонизму ряда математиков и физиков, среди которых Роджер Пенроуз и Макс Тегмарк.

Кант пришел к выводу, что переживание времени не возможно, если отдельные моменты времени не связаны друг с другом. Казалось бы, для этого есть память. Но, если всякое явление существует только в тот момент, когда оно совершается, сама память становится невозможна. «Дело в том, что я не понимаю, что обозначает слово после, если ему уже не предшествует понятие времени»- писал Кант [21].

Кант первый осознал глубину этой проблемы. Он понял, что соединить существующее с уже не существующим, может лишь то, что само не является временным, но стоит над

временем. У Канта таким атемпоральным субъектом является трансцендентальное Я²⁴, осуществляющее темпоральный синтез апперцепций. Описанная Кантом структура имеет много общего с понятием инварианта. Возможно, Кант и прибег бы к этому понятию, однако, теория инвариантов появилась несколько позже в работах Гильберта и Клейна.

Рассмотрим конечное не вырожденное по времени множество состояний сознания Я1, Я2, Я3.... Пусть это множество исчерпывает все возможные состояния. Просуммировав эти состояния сознания за все время в прошлом и в будущем, мы получим временной инвариант, служащий прототипом трансцендентального Я.

Идею Я-инварианта Фихте выражает в свойственной ему возвышенно - поэтической форме: «Бытие абсолютного Я предельно просто, оно не многообразно, равно самому себе, не подвержено превращениям и неизменно; в нем нет ни возникновения, ни гибели, ни изменения и игры форм, но лишь всегда одно и то же спокойное бытие и пребывание». Именно эта инвариантность и стоит за моим ощущением самости, сохраняющейся на протяжении всей жизни.

Кантовский темпоральный синтез решает проблему времени чисто формально. Он не дает ответа на вопрос, как возможно переживание времени. На этот вопрос могла бы ответить феноменология. Но кантовское *трансцендентальное «Я»*, осуществляющее темпоральный синтез, для феноменолога – «*persona non grata*». В самом деле, согласно законам феноменологии, все, что находится за пределами опыта, в частности, объективное время, должно быть вынесено за скобки. Но оставшаяся в скобках *трансцендентальная субъективность*, в отличие от трансцендентального Я, устроена совсем по-другому. Будучи сама темпоральной она не может осуществлять темпоральный синтез, ибо это приводит к бесконечному регрессу. Клод Романо пишет: «Почему же невозможно сказать, что различные фазы сознания времени следуют друг за другом или предшествуют одна другой? Потому, что как это следует из самого источника, подобное утверждение означало бы парадокс - фазы сознания времени, в которых, как считается, конституируется объективное время, были бы сами подчинены отношениям времени, что является явной бессмыслицей» [22]

В принципе этого достаточно, чтобы понять бесперспективность попыток конституировать время на основе представлений о фазах сознания времени, ретенциях²⁵ и прочих темпоральных конструкциях. Нельзя время объяснять через него же! Гуссерль до последнего пытался найти пути решения этой проблемы. Однако, той ясности понимания, которой он требовал от себя, позиционируя феноменологию, как науку, он добиться не смог.

²⁴ См. Трансцендентальное единство апперцепции (И. Кант).

²⁵ Осознание текущего момента всегда ретроспективно. То есть, мы осознаем текущий момент, удерживая предыдущий момент в сознании. Это называют ретенцией.

По всей видимости, Кант был прав, утверждая, что время не свойство мира, а способ его восприятия. У Канта события объективного мира существуют вне времени, но разум их упорядочивает в каузальном порядке. То есть, для Канта время - это только способ организации чувственного опыта²⁶. В этом случае, сама идея конституирования объективного времени из трансцендентальной субъективности теряет смысл, ибо объективно время не существует.

Обман, как способ бытия

Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!²⁷

Если сознание, как таковое, мы не можем поставить под сомнение, то его непрерывность уже не очевидна. Увы, после всех наших «заклочений» мы не стали доверчивее к своим ощущениям! Действительно ли время течет линейно от прошлого к будущему в соответствии с законом причинности, или это только нам кажется? Почему мне «навязывают» картину мира, в которой я представлен себе в своей онтогенетической ретроспективе? Достаточно ли у нас оснований считать, что то, что «было», действительно «было»?

Представление о каузальности может быть результатом работы, выработанного в процессе эволюции, механизма восприятия реальности, тем самым способом упорядочивания внутреннего опыта, о котором говорил Кант. Поэтому, может оказаться, что *наше представление о том, что мы живем в определенный момент истории – это иллюзия, являющая нам еще один пример естественной установки.*

Почему проблема времени так занимает нас? Дело в том, что время это ключ к решению проблемы сознания.

Он совсем не похож на меня, тот парнишка из моего детства.... И, все же, это был Я,- об этом говорит мне моя память. Однако, память меняется в процессе становления личности. Мы что-то забываем, а что-то занимает место прежних воспоминаний, изменяется характер и, даже, большая часть атомов вашего тела в течение жизни, заменяется другими.... И вы не найдете ничего в вашем теле, кроме общей для всех морфологии, что сохранялось бы в течении всей жизни и, что могло бы быть основой непрерывности вашего Я. Так, что же это за сущность, которая остается неизменной, когда все меняется?

²⁶ Время и пространство у Канта это априорные формы чувственного восприятия.

²⁷ Пушкин «Признание».

Это известная философская проблема тождества личности (personal identity). Кант пишет: «То, что сознает свое численное тождество в различные времена, есть ввиду этого личность (Person). Душа сознает и т.д. Следовательно, душа есть личность». Как правило, в термины «Я», душа и личность разные авторы вкладывают разный смысл. Поэтому, здесь нужно быть аккуратным, чтобы избежать неверного понимания. В частности, правильнее говорить о тождестве «Я» или сознания, а не о тождестве личности. Личность не может быть тождественна самой себе в разные моменты времени, ибо она, как раз и подвержена изменениям, связанным с ее становлением. А вот «Я» – инвариант. «Я» это не характер, не воспоминания и, тем более, не тело, а то, что было до моего рождения и то, что будет всегда, – одно и то же, как говорил Фихте, «спокойное бытие и пребывание». Поэтому, когда говорят об идентичности личности, имеют в виду идентичность ядра личности – инварианта «Я». Таким образом, непрерывность личности является иллюзией.

Другой пример естественной установки демонстрирует, связанная с только что рассмотренной проблемой тождества личности, гипотеза открытого индивидуализма [23]. Даниэль Колак задался вопросом – а, что если и нет вообще никакой привязки «Я» к телу²⁸, и наше представление о неразрывной связи себя любезного со своим же телом – просто иллюзия? Открытый индивидуализм – старая идея, восходящая еще к Упаниадам. Смысл ее состоит в том, что инвариантное ядро «Я» тождественно себе не только внутри становящейся личности, но и по отношению к разным индивидам. Независимость (инвариантность) моего «Я» от внешнего мира (времени, пространства, обстоятельств), может означать независимость и от моего собственного тела, как части этого внешнего мира. Это означает, что инвариант «Я» следует понимать в более широком смысле – как инвариант не только по времени, но и по отношению к личностным актуализациям. Теперь у нас нет оснований выделять субъекты из одного временного ряда от субъектов из других рядов. Все эти субъекты есть «Я», так как «Я» – инвариант. Формально все просто. Однако, попытайтесь осмыслить сказанное, обратившись к своему внутреннему созерцанию, и вы поймете насколько тщательно механизм естественной установки защищает вашу психику от опасных рефлексий. И, тем не менее, уже во времена Конфуция и Лао Цзы абстракция инвариантной личности была осмыслена. В притче из книги "Вёсны и осени господина Люя" повествуется о жителе царства Цзин, потерявшем лук. По-видимому, житель был философского склада ума, ибо он не стал искать потерянную вещь, и рассуждал так: "К чему поиски: человек из Цзин потерял, человек из Цзин и найдет". Конфуций, прослышав об этом, сказал: "Вот было бы славно убрать слова "из Цзин"!" Лао-цзы, прослышав об этом, сказал: "Вот было бы славно убрать еще и слово "человек"!" [24].

Открытому индивидуализму, в котором я и ты, сегодня или завтра, есть одна и та же личность²⁹, противопоставляется закрытый индивидуализм – традиционный локально

²⁸ Факт эксклюзивного соединения (по терминологии Даниэля Колака)

²⁹ Мы здесь следуем терминологии Колака, однако, правильнее говорить об одном и том же Я.

реалистический взгляд на личность, не различающий эмпирическое и абсолютное «Я», и приводящий к наивному представлению о множественности сознаний. Гуссерлю не удалось в рамках феноменологии постичь сущность интересубъективности. Впрочем, сделать это логически последовательно и уберечься при этом от солипсизма, на мой взгляд, было бы невозможно. Открытый индивидуализм, который радикально решает эту проблему, иногда называют дружественной формой солипсизма. Он в корне меняет все наши традиционные взгляды, как на саму субъективность, так и на сущность интересубъективности, смысл которых теперь открывается через инвариантность «Я». Мне не нужно теперь пытаться понять внутреннюю жизнь другого, ибо границ между «Я» и «ты» нет, и аппрезентированный мир другого становится моим собственным.

Шредингер был одним из тех немногих мыслителей, кто понимал, что множественное число не применимо к категории сознания. Он писал: «ты и точно также любое другое само по себе взятое сознательное существо — все во всё. Поэтому настоящая твоя жизнь, которую ты ведёшь, тоже не есть лишь часть мировых событий, а в известном смысле они целиком. Только это целое не такого свойства, что может быть охвачено одним взглядом» [25].

Все перечисленные здесь иллюзии – иллюзия историчности (я живу во времени), иллюзия отдельности от природы (Я живу в мире) и иллюзия интересубъективности (Я живу среди других), имеют общую природу. Мы объединим их под именем иллюзии Великого заблуждения. Можно ли не поддаться Великому заблуждению? По существу – нет, ибо иллюзия Великого заблуждения являет собой сам способ бытия. Но можно интеллектуально, как это сделали Фихте, Шопенгауэр, Шредингер и многие другие, постигшие Великое заблуждение³⁰. «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...» - говорит поэт. «Оставь герою сердце!» Ведь без него мы были бы просто бездушными куклами. Бог обманывает нас, но принимая этот обман с благодарностью, мы не должны забывать, что именно сомнение делает нас людьми. «...Сомнения и поиски доказательств не оттого, что в вас нет веры или любви, а потому, что их очень много в вас и вы хотите еще больше утвердить их. Вам нужна новая, прочная, не иллюзорная истина, чтобы полнее насладиться верой и любовью», - говорит святитель Григорий³¹.

Онтологическая относительность

Пройдя в многократно ускоренном темпе эволюцию онтологической мысли от Аристотеля до Колака, мы, наконец, можем позволить себе сформулировать свой собственный взгляд на структуру бытия. Конечно же, мы будем исходить из «сogito», из самого СОЗНАНИЯ.

³⁰ Избежать иллюзии, оставшись в этом мире невозможно, ибо сам мир является иллюзией. Но и покинуть его, едва ли удастся, будучи инвариантом.

³¹ Из проповеди святителя Григория (Лебедев) на Фомин день.

Ведь, как мы убедились, ни в чем другом мы не можем быть уверены! «Существование природы не может обуславливать существования сознания, — ведь она сама выходит наружу как коррелят сознания; природа существует, лишь конституируясь в упорядочиваемых взаимосвязях сознания», - пишет Гуссерль.

Самодостаточный Гуссерлевский монизм, не смотря на все его недостатки, для нас много привлекательней Кантовского дуализма. Гуссерль строит самодостаточный мир из одного фундаментального принципа - из субъективности.

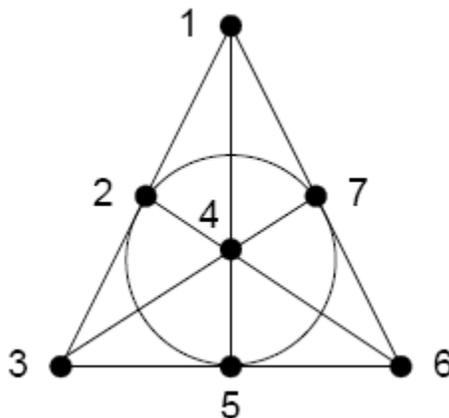
Далее мы покажем, что формализация идей конституирования Гуссерля и самоположения Фихте позволяет обосновать и объяснить происхождение базовых принципов, на которых сегодня основывается физическая наука. Среди них квантовая природа реальности (почему природа квантовая?), релятивизм (почему геометрия пространства-времени псевдоевклидова?), необратимость (что лежит в основе 2-го начала). За подробностями мы отсылаем заинтересованного читателя к работам автора [26, 27]. В рамках же этой статьи мы ограничимся лишь изложением основной идеи и оценкой места этого нового подхода в традиционной науке.

Гуссерль по образованию был математиком и его учителями были великие Л. Кронекер и К. Вейерштрасс. Поэтому, для него не было бы неожиданным наше следующее рассуждение.

Давайте перенумеруем состояния сознания и построим всевозможные бинарные отношения (интенции) между ними. Идея самоположения формально выразиться, как отображение множества состояний сознания в себя $Y \rightarrow Y$. Такое множество отношений между состояниями сознания, образует граф психической реальности. В таком графе состояниям сознания отвечают вершины, а интенциям – ребра. Пусть число состояний сознания равно N . Тогда полное число интенций N^2 , что превосходит число состояний сознания. Последнее означает, что часть психики внутреннего наблюдателя (способного осознать только N интенций) окажется для него скрытой, что формально может служить описанием бессознательного Юнга или Фрейда. Мы видим, как простейшая модель конституирования психики порождает трансцендентные (за пределами возможного опыта) объекты – скрытые желания, интуиции и.т.д. Вам ничего это не напоминает? Конечно же, миф о пещере, в котором Платон впервые описал проективную модель реальности. Мы – те самые узники из Платоновской пещеры, видящие только тени реального мира. Но, в отличие от последних, нам не дано выйти на свет и взглянуть на пещеру со стороны³².

³² Этот взгляд согласуется и с феноменологией, не допускающей «смотровой площадки» с которой видно все.

Не снижая общности, в качестве простого примера, рассмотрим простейшую конечную геометрию над полем Галуа [28] $GF(2^3)$. Она содержит 7 точек и 7 прямых. Мы отождествим их с состояниями сознания и интенциями, соответственно.

Модель психики в виде плоскости Фано

Это, так называемая, плоскость Фано - минимальная конечная проективная геометрия. На этом примере мы видим, как естественно отношения между состояниями сознания порождают геометрию, и эта геометрия неизбежно проективна. Действительно, каждое состояние сознания представляет собой класс неразличимых вследствие неполноты, интенций. А теперь вспомним, что квантовые состояния так же являются классами эквивалентности физически неразличимых фазовых состояний. Таким образом, у нас появляется формальное основание отождествить состояния сознания с квантовыми состояниями. То, что бытие субъективного во многом подобно квантовой механике, было замечено давно. Здесь же мы можем утверждать строгую гомоморфность рассматриваемой модели субъективности аппарату квантовой механики. Вспомним, в связи с этим «duck test», который гласит, что, если нечто выглядит как утка, плавает как утка и крикает как утка, то это, вероятно, утка и есть. Таким образом, Менский прав, утверждая, что состояния сознания это и есть квантовые состояния.

Проективная геометрия, в отличие от аффинной, полна на своем множестве элементов. Эта полнота выражается принципом двойственности Пюккера, утверждающим изоморфность геометрии относительно замены точек прямыми. Последнее замечательно иллюстрирует условность представления вещей в сознании. Почему в нашем сознании вещи выглядят именно так, как выглядят? А выглядят они так только потому, что не могут не выглядеть никак. Наше сознание действует, как учитель младших классов, который, пытаясь обучить малышей счету, для наглядности, приписывает числам образы знакомых им предметов - зайчиков, морковок, карандашей...

А теперь я хочу напомнить о возможности проективной интерпретации специальной теории относительности (СТО). На нее впервые указал F. Klein [29]. В этом представлении пространство-время Минковского $\{X, Y, Z, T\}$ может рассматриваться, как пространство полученное факторизацией 5-пространства однородных координат $\{x, y, z, t, s\}$. Здесь s скрытое (hidden) измерение, играющее роль действия или квантовой фазы. Внутренний наблюдатель видит этот пятимерный мир исключительно в 4-х мерной проекции. Чтобы перейти к картине мира внутреннего наблюдателя, формально, мы должны перейти к неоднородным координатам: $X = x/s, Y = y/s, Z = z/s, T = ct/s$. Легко показать (но здесь мы вновь вынуждены отослать читателя к работам автора [30]), что линейные преобразования в 5-мерном пространстве однородных координат, в неоднородных координатах становятся, всем известными, преобразованиями Лоренца! Таким образом, СТО, так же, как и КМ является теорией субъективного или внутреннего, в терминологии Эверетта, наблюдателя. Это тот «искаженный» взгляд на мир, который нам навязывается неизбежным положением вещей, когда мы являемся внутренним наблюдателем³³.

Таким образом, физические законы - относительны и субъективны. Эту относительность мы назовем *онтологической относительностью*. Относительность пространства – времени, открытая Эйнштейном, как мы видели, является частным случаем относительности более высокого порядка - онтологической относительности.

Важно понимать, и на это обращал внимание Гуссерль, что мы не абсолютно свободны в своем мирозидующем творчестве. Наш мир не случайно именно такой, как есть. Мы только что видели, что законы физики, хотя и возникают, как корреляты сознания, но не произвольным образом. Они диктуются определенными преданностями не зависящими от нас. Как писал Кант «"Мы а priori познаем в вещах лишь то, что вложено в них нами самими"». Здесь очень легко поддаться соблазну математического платонизма³⁴, но нельзя не заметить, что этими преданностями являются вовсе не вечные математические истины, а структуры самого сознания, которые изучали Кант и Гуссерль, и которые мы, в меру наших математических способностей, попытались уложить в некую модель. Неполнота математики, доказанная Геделем, только подтверждает, что математика, так же, как и физика, является продуктом сознания, отражая его структуры. По-видимому, эта общность происхождения и объясняет «секрет» необычайной силы математики в описании физических явлений, отмеченный Вигнером.

Еще одним нетривиальным следствием субъективного (с точки зрения внутреннего наблюдателя) взгляда на мир является – необратимость. В онтологической «системе координат» внешнего наблюдателя мир – детерминированная машина. Однако для

³³ По всей видимости, глобальная топология нашей Вселенной проективна.

³⁴ Тегмарк, Пенроуз и др.

внутреннего наблюдателя, тот же мир выглядит совсем по-другому. «Бог не играет в кости», - говорил Эйнштейн. И он был прав. Для Бога, для которого открыто прошлое и будущее, эта игра бессмысленна. Однако, для меня, как внутреннего наблюдателя, она имеет смысл, поскольку результат я могу узнать, только бросив кости. И это узнавание следующего момента времени, к которому нельзя прийти непрерывным образом действием собственных сил, и является сознанием. Сознание не существует в мире, где все предопределено, где нет выбора. Да и, что ему там делать?

Похоже, что мы, наконец-то нашли наше потерянное Я! Мы нашли его в онтологической системе внутреннего наблюдателя. Почему же его так трудно было найти? А потому, что объективно его нет! Здесь работает та самая *онтологическая относительность*. Само «Я» или сознание оказывается относительным. Субъективный опыт дается только внутреннему наблюдателю (субъекту). Для внешнего же наблюдателя я всего лишь биологическая машина, успешно прошедшая тест Тьюринга! Здесь мы наконец-то добрались до вершины понимания Великого заблуждения, и далее возможен только спуск.

С какой целью Бог, вводит нас в заблуждение, заставляя думать, что мы есть, тогда, как объективно нас нет. Что мы живем во времени, тогда, как время всего лишь способ упорядочивания образов в сознании. Что у нас есть выбор, тогда, как на самом деле, его нет? Что в мире есть милосердие, тогда, как это всего лишь инстинкт коллективного выживания и т.д. Мы могли бы ответить на этот вопрос так - «обман» является способом, которым Бог творит наш мир. Слово «обман» мы заключили в кавычки, поскольку, это не обычный обман. Бог онтологизирует иллюзию, делая ее истиной для нас!

Божественный «обман» ни сколько не схож с обманом шулера или иллюзиониста. Его невозможно разоблачить а, следовательно, он не является обманом. Самоустранение – важнейший элемент в «рецепте» творения Мира. Доктрина самоустранения восходит к деизму, утверждающему, что роль Бога заканчивается актом творения. И в самом деле, совершенный механизм, коим является наш мир, в отличие от вашего автомобиля, не нуждается в профилактике. С.Лем приводит другой аргумент: «... внушать доверие может лишь такое божество, к которому не взывают. А если воззвать к нему, оно окажется ущербным и бессильным...»³⁵. С одной стороны, это логично, но с другой, взывать то не к кому! Бог самоустранился не «понарошку». Он не спрятался за ширмой, и не выйдет однажды из-за нее, ослепляя нас сиянием истины... «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц!»³⁶

Возможно, что архетип искупительного «суицида» Христа, в символический форме доносит до нас смысл этой идеи... Но было ли это самопожертвованием? Едва ли. Ведь Бог ни когда и не был жив. Он имеет существование только в своей иллюзии, а именно, в

³⁵ С.Лем. «Ящики профессора Конкорана»

³⁶ Ницше Ф. «Весёлая наука»

нас сами. Но здесь мы опять идем на поводу у естественной установки. Самоустранение не было единовременным событием, и сказанное в св. Евангелии от Иоанна «Все через Него начало быть...» не следует понимать в темпоральном контексте. В известном смысле, Вселенная в каждом акте рефлексии творится заново³⁷. Идея непрерывного творения чрезвычайно интересна, но это тема для отдельного разговора.

Итак, мы должны резюмировать, что мир построен на онтологизированном «обмане». Но, именно, благодаря этому «обману», мы существуем, а несколько «кривые» законы природы, над которыми ученым еще долго предстоит «ломать голову», не слишком большая плата за это. Но, если бы Бог, создав наш мир, не самоустранился и продолжил бы наблюдать за своим творением «из-за кулис», то великая мистерия творения была бы простым плутовством. А так, не пойман – не вор! И поэтому «мир останется лживым, мир останется вечным...»³⁸.

Использованная литература:

1. *Шрёдингер. Э.* Разум и материя. — И.: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. — 96 с. — ISBN 5-93972-025-0
2. *Мамардашвили М.К.* Проблема сознания и философское призвание. Доклад, сделанный в Институте философии АН СССР в декабре 1987 г.
3. *Шопенгауэр. А.* Мир как воля и представление.
4. *Мамардашвили М.К.* «Картезианские размышления»
5. *Husserl E.* Zur Phanomenologie der Intersubjektivitat, T. 2, hrsg. von Iso Kern. Den Haag, 1973 ("К феноменологии intersубъективности") - из наследия 1905-1920.
6. *Пелевин В.* «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами»
7. *Декарт Р.* «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках». Сочинения: в 2 т.
8. Ibid.
9. *Бертран Рассел.* «Наше познание внешнего мира»
10. *Роберт Антон Уилсон.* «Квантовая психология»
11. *Декарт. Р.* Размышления о первой философии. Размышление шестое.
12. *Кант.И.* Критика чистого разума.
13. *George Berkeley* «Three Dialogues between Hylas and Philonous» (Лондон, 1713)
14. *Wheeler J. A.* Genesis and Observership // Foundational Problems in the Special Sciences. Dordrecht, 1977. P. 27.

³⁷ Доктрина непрерывного творения имеет глубокие корни в теологии и философии. Согласно этой доктрине мир, в каждый момент времени рождается заново из абсолютного ничто, вновь и вновь вызываемый Богом из небытия. Каждое мгновение Бог дает существование всему, что есть в этом мире.

³⁸ Бродский «Пилигримы».

15. *Менский М. Б.* Квантовые измерения, феномен жизни и стрела времени: связи между “тремя великими проблемами” (по терминологии В. Л. Гинзбурга)
16. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления.
17. *E. Husserl.* Cartesianische Meditationen, S. 37.
18. *Фихте И. Г.* Сочинения в 2-х томах. Том 1. Часть 1. Параграф 1.
19. *Св. Августин.* «Исповедь».
20. *Гуссерль Э.* «Феноменология внутреннего сознания времени». Введение, с. 5.
21. *Кант И.* «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Соч. в 8-и томах. Т. 2. М. 1964. С. 293»
22. *Романо Клод.* Авантюра времени /Пер. с фр. – М.:РИПОЛ классик, 2017.-220с – (KAÏROS).
23. *Kolak, Daniel.* I Am You: The Metaphysical Foundations for Global Ethics. — Springer, 2005. — ISBN 1402029993.
24. Текст воспроизведен по изданию: Люйши Чуньцю. Весны и осени господина Люя. М. Мысль. 2001
25. *Шредингер Э.* Поиски пути.
26. *Каминский А.В.* «Этюды о неполноте»
27. *Каминский А.В.* «Физическая неполнота - ключ к объединению физики»
28. *Арнольд В. И.* Динамика, статистика и проективная геометрия полей Галуа. —М.: МЦНМО, 2005. — 72 с
29. *Клейн Ф.* Элементарная математика с точки зрения высшей. Т.1-2. М.-Л., 1933
30. *Каминский А.В.* Физика внутреннего наблюдателя. Метафизика 2017 №01 (23)